

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 учебный год**

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
10 класс**

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады.

Время выполнения заданий – 6 академических часов (270 минут).

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задания и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте о том, что Ваш ответ должен соответствовать требованиям задания, опираться на понимание художественного текста, знание литературного материала и терминологии, быть убедительным и аргументированным.
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальное количество баллов – 100.

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните **целостный анализ ОДНОГО из двух художественных текстов** – прозаического **ИЛИ** стихотворного (**ПО ВАШЕМУ ВЫБОРУ**), выбрав собственный путь анализа или ориентируясь на указанные в задании аспекты художественного текста.

Ваша работа должна представлять собой самостоятельный, цельный, связный и завершённый текст.

Максимальное количество баллов – 70.

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Выполните целостный анализ художественного очерка Ф.М. Достоевского «Столетняя», опубликованного автором в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год, приняв во внимание следующие аспекты: композиционная структура текста (соотношение его частей); ключевые детали и образы, выражающие авторскую идею; пафос, заключенный в последней фразе произведения.

Ф.М. Достоевский

СТОЛЕТНЯЯ

«В это утро я слишком запоздала, — рассказывала мне на днях одна дама, — и вышла из дому почти уже в полдень, а у меня, как нарочно, скопилось много дела. Как раз в Николаевской улице надо было зайти в два места, одно от другого недалеко. Во-первых, в контору, и у самых ворот дома встречаю эту самую старушку, и такая она мне показалась старенькая, согнутая, с палочкой, только все же я не угадала ее лет; дошла она до ворот и тут в уголку у ворот присела на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочем, я прошла мимо, а она мне только так мелькнула.

Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит, и опять на скамеечке у ворот, сидит, да на меня и смотрит; я на нее улыбнулась, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло — пошла дальше к Невскому, ан смотрю — моя старушка уже у третьего дома, тоже у ворот, только не на скамеечке, а на выступе приютилась, а скамейки в этих воротах не было. Я вдруг перед ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякого дома садится?

— Устала, — говорю, — старушка?

— Устаю, родненькая, всё устаю. Думаю: тепло, солнышко светит, дай пойду к внучкам пообедать.

— Это ты, бабушка, пообедать идешь?

— Пообедать, милая, пообедать.

— Да ты этак не дойдешь.

— Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду.

Смотрю я на нее, и ужасно мне стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть из мещанства, с палочкой, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, губы бесцветные, — мумия какая-то, а сидит — улыбается, солнышко прямо на нее светит.

— Ты, должно быть, бабушка, очень стара, — спрашиваю я, шутя разумеется.

— Сто четыре года, милая, сто четыре мне годика, только всего (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядит на меня — смеется, обрадовалась она, что ли, поговорить с кем, только странно мне показалась у столетней такая забота — куда я иду, точно ей это так уж надо.

— Да вот, бабушка, — смеюсь и я, — ботиночки девочке моей в магазине взяла, домой несу.

— Ишь махонькие, башмачки-то, маленькая девочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другие детки есть?

И опять всё смеется, глядит. Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый.

— Бабушка, хочешь, возьми у меня пяточок, купи себе булочку, — и подаю я ей этот пяточок.

— Чтой-то ты мне пяточок? Что ж, спасибо, я и возьму твой пяточок.

— Так на, бабушка, не взыщи. — Она взяла. Видно, что не просит, не доведена до того, но взяла она у меня так хорошо, совсем не как милостыню, а так, как будто из вежливости или из доброты своего сердца. А впрочем, может, ей и очень понравилось это, потому что кто же с ней, с старушкой, заговорит, а тут еще с ней не только говорят, да еще об ней с любовью заботятся.

— Ну, прощай, — говорю, — бабушка. Дойди на здоровье.

— Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты к своей внучке ступай, — сбилась старушка, забыв, что у меня дочка, а не внучка, думала, видно, что уж и у всех внучки. Пошла я и оглянулась на нее в последний раз, вижу, она поднялась, медленно, с трудом, стукнула палочкой и поплелась по улице. Может, еще раз десять отдохнет дорогой, пока дойдет к своим „пообедать“. И куда это она ходит обедать? Странная такая старушка».

Выслушал я в то же утро этот рассказ, — да, правда, и не рассказ, а так, какое-то впечатление при встрече с столетней (в самом деле, когда встретишь столетнюю, да еще такую полную душевной жизни?), — и позабыл об нем совсем, и уже поздно ночью, прочтя одну статью в журнале и отложив журнал, вдруг вспомнил про эту старушку и почему-то мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать; вышла другая, может быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ее, а может, и правнучки, да уж так зовет их она заодно внучками, вероятно, какие-нибудь цеховые, семейные, разумеется, люди, не то она не ходила бы к ним обедать, живут в подвале, а может, и цирюльню какую-нибудь снимают, люди, конечно, бедные, но все же, может, питаются и наблюдают порядок. Добрела она к ним, вероятно, уже часу во втором. Ее и не ждали, но встретили, может быть, довольно приветливо.

— А вот и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просим, раба Божия!

Старушка входит, посмеиваясь, колокольчик у входа еще долго, резко и тонко звенит. Внучка-то ее, должно быть, жена этого цирюльника, а сам он еще человек нестарый, лет этак тридцати пяти, по ремеслу своему степенен, хотя ремесло и легкомысленное, и, уж разумеется, в засаленном, как блин, сюртуке, от помады, что ль, не знаю, но иначе я никогда не видал «цирюльников», равно как воротник на сюртуке всегда у них точно в муке вывалян. Трое маленьких деточек — мальчик и две девочки — мигом подбежали к прабабушке. Обыкновенно такие уж слишком старенькие старушки всегда как-то очень сходятся с детьми: сами-то уж очень они похожи на детей становятся душевно, иногда даже точь-в-точь. Села

старушка; у хозяина не то гость, не то по делу, один тоже, лет сорока, знакомый его, уже уходить собирался. Да племянник к тому же гостит, сын сестры его, парень лет семнадцати, в типографию хочет определиться. Старушка перекрестилась и садится, глядит на гостя:

— Ох, устала! Это кто же такой у вас?

— Это я-то? — отвечает гость, посмеиваясь, — что ж, Марья Максимовна, неужто нас не признали? Третьего-то года по опенки в лес всё собирались вместе с вами сходить.

— Ох, уж ты, знаю тебя, надсмешник. Помню тебя, вот только назвать как тебя не припомню, кто ты таков, я помню. Ох, устала я чтой-то.

— Да что ж вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете нимало, вот что я тебя спросить хотел, — шутит гость.

— И, ну тебя, — смеется бабушка, видимо, довольная.

— Я, Марья Максимовна, человек добрый.

— А с добрым и поговорить любопытно. Ох, всё-то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженьке видно уж соорили?

Она указывает на племянника.

Племянник, бутузоватый и здоровый паренек, улыбается во весь рот и надвигается ближе; на нем новенькое серое пальтецо, и он еще не может равнодушно надевать его. Равнодушие придет разве только еще через неделю, а теперь он поминутно смотрит себе на обшлага, на лацканы и вообще на всего себя в зеркало и чувствует к себе особенное уважение.

— Да ты поди, повернись, — стрекочет жена цирюльника. — Смотри-ка, Максимовна, какое построили; ведь шесть рублей как одна копеечка, дешевле, говорят нам у Прохорыча, теперь и начинать не стоит, сами, говорят, потом слезьми заплачете, а уж эдакому износу нет. Вишь материя-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крепость- то, крепость-то, да ты повернись! Так-то вот и уходят денежки, Максимовна, умылась наша копеечка.

— Ах, мать, уж так теперь дорого стало на свете, что и ни с чем не совместно, лучше б и не говорила ты мне расстроивала меня, — с чувством замечает Максимовна, а всё еще дух не может перевести.

— Ну, да и довольно, — замечает хозяин, — закусить бы надо. Что это ты, должно быть, уж очень, вижу я это, приустала, Марья Максимовна?

— Ох, умник, устала, денек-то теплый, солнышко; дай, думаю, их проведу... что лежать-то. Ох! А дорогой барыньку встретила, молодую, башмачки деткам купила: «Что это ты, старушка, говорит, устала? на-ка тебе пяточок: купи себе булочку..» А я, знаешь, и взяла пяточок-то...

— Да ты, бабушка, всё же отдохни маленечко сперва наперво, что это сегодня так задыхаешься? — как-то вдруг особенно заботливо проговорил хозяин

Все на нее смотрят; уж очень бледна она вдруг стала, губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло.

— Вот, думаю... пряничков деткам... пяточок-то...

И опять остановилась, опять переводит дух. Все вдруг примолкли, секунд этак на пять.

— Что, бабушка? — наклонился к ней хозяин.

Но бабушка не ответила; опять молчание, и опять секунд на пять. Старушка еще как бы белее стала, а лицо как бы вдруг всё осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит.

— За попом бы!.. — как-то вдруг и торопливо проговорил сзади вполголоса гость.

— Да... не... поздно ли... — бормочет хозяин.

— Бабушка, а бабушка? — окликает старушку жена цирюльника, вдруг вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится набок; в правой руке, что на столе лежит, держит свой пяточок, а левая так и осталась на плече старшего правнучка Миши, мальчика лет шести. Он стоит не шелохнется и большими удивленными глазами разглядывает прабабушку.

— Отошла! — мерно и важно произносит, восклонившись, хозяин и слегка крестится.

— Ведь вот оно! То-то, я вижу, вся клонится, — умиленно и отрывисто произносит гость; он ужасно поражен и во всех оглядывается.

— Ах, Господи! Вот ведь! Как же теперь быть-то, Макарыч? Туда, что ль, ее? — щебечет хозяйка торопливо и вся растерявшись.

— Куда туды? — степенно откликается хозяин, — сами здесь справим; родная ты ей аль нет? А пойтить дать знать надо.

— Сто четыре годика, а! — толчется на месте гость, умиляясь все больше и больше. Он даже весь покраснел как-то.

— Да, забывать стала жисть-то в последние годы, — еще важнее и степеннее замечает хозяин, ища фуражку и снимая шинель.

— А ведь за минуту смеялась, как веселилась! Ишь пятачок-то в руке! Пряничков, говорит, о-ох, жисть-то наша!

— Ну, пойдем, что ли, Петр Степаныч, — прерывает гостя хозяин, и оба выходят. По такой, конечно, не плачут. Сто четыре года, «отошла без болезни и непостыдно». Хозяйка послала к соседкам за подмогой. Те прибежали мигом, почти с удовольствием выслушав весть, охая и вскрикивая. Первым делом поставили, разумеется, самоварчик. Дети с удивленным видом забились в угол и издали смотрят на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживет, всё запомнит старушку, как умерла, забыв руку у него на плече <...>. Так отходят миллионы людей: живут незаметно и умирают незаметно. Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умильное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови Бог жизнь и смерть простых добрых людей!

1876

СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ

Выполните **целостный анализ стихотворения П.Г. Антокольского «Достоевский» (1971)**, приняв во внимание следующие аспекты его содержания и художественной организации: размер, рифма, художественные средства, стиль; образ Достоевского, созданный поэтом XX века на биографической основе.

Создайте цельный, связный, завершённый текст, включив в него реальный (историко-биографический) комментарий.

П.Г. Антокольский

ДОСТОЕВСКИЙ

Начало всех начал его. В ту ночь
К нему пришли Белинский и Некрасов,
Чтоб обнадежить, выручить, помочь,
Восторга своего не приукрасив,
Ни разу не солгав. Он был никем,
Забыл и о науке инженерной,
Стоял, как деревянный манекен,
Оцепеневший в судороге нервной.

Но сила прозы, так потрясшей двух
Его гостей — нет, не гостей, а братьев...
Так это правда — по сердцу им дух
Несчастной рукописи?.. И, утратив
Дар слова,— господи, как он дрожал,
Как лепетал им нечленораздельно,
Что и хозяйке много задолжал
За комнату,
что в муке трехнедельной
Ждал встречи на Аничковом мосту
С той девушкой, единственной и лучшей...

А если выложить начистоту,—
Что ж, господа, какой счастливый случай,
Он и вино припас, и белый хлеб.
У бедняков бывают гости редко.
Простите, что он пылок и нелеп!
Вы сядьте в кресла. Он — на табуретку.

Вот так он и молол им сущий вздор
В безудержности юного доверья.
А за стеной был страшный коридор.
Там будущее пряталось за дверью,
Присутствовал неведомый двойник,
Сосед или чиновник маломощный,

Подслушивал, подсматривал, приник
Вплотную к самой скважине замочной.

С ним встреча предстоит лицом к лицу.
Попробуйте и на себя примерьте
То утро на Семеновском плацу,
И приговор, и ожидание смерти,
И каторгу примерьте на себя,
И бесконечный миг перед падучей,
Когда, земное время истребя,
Он вырастет, воистину грядущий!

Вот каменные призраки громад,
Его романов пламенные главы
Из будущего близятся, гремят,
Как горные обвалы. Нет — облавы
На всех убийц, на всех самоубийц.
В любом из них разорван он на части.
Так воплотись же, замысел! Клубись,
Багряный дым — его тоска и счастье!

Нет будущего! Надо позабыть
Его помарок черновую запись.
Некрасов и не знает, может быть,
Что ждет его рыдающий анапест.
А вот Белинский харкает в платок
Лохмотьями полусожженных легких.
И ночь темным-темна. И век жесток —
Равно для всех, для близких и далеких.

Кончалась эта ночь. И, как всегда,
В окне серело пасмурное утро,
Спасибо вам за помощь, господа!
Приход ваш был придуман очень мудро.
Он многого не досказал еще,
В какой живет он муке исполинской.
Он говорил невнятно и общо.
Молчал Некрасов. Понимал Белинский.

1971

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

К 200-летию юбилею Ф.М. Достоевского Вы приурочили издание альбома «Произведения Ф.М. Достоевского в иллюстрациях русских художников XIX-XX вв.». Вам нужно:

1. Отобрать 3 иллюстрации только к одному из произведений писателя, отложив в сторону лишние рисунки, относящиеся к другим его текстам. В ответе укажите название произведения, проиллюстрированного в отобранных Вами открытках.

2. Аргументируйте выбор каждого из 3-х рисунков, опираясь на интерпретацию изображения и содержание иллюстрируемого художественного текста (назовите и прокомментируйте проиллюстрированный в открытке эпизод).

3. Подберите по памяти цитату из названного Вами произведения для каждой из 3-х отобранных Вами иллюстраций, указав номер рисунка, которому она соответствует.

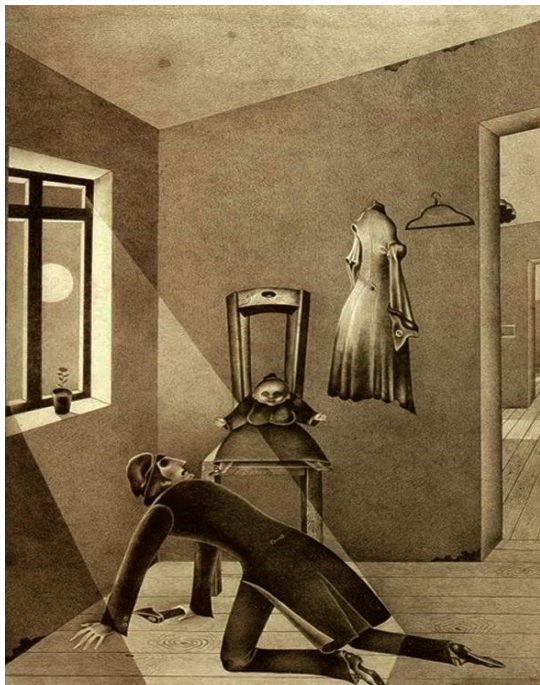

Рис. 1

Рис 2.

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

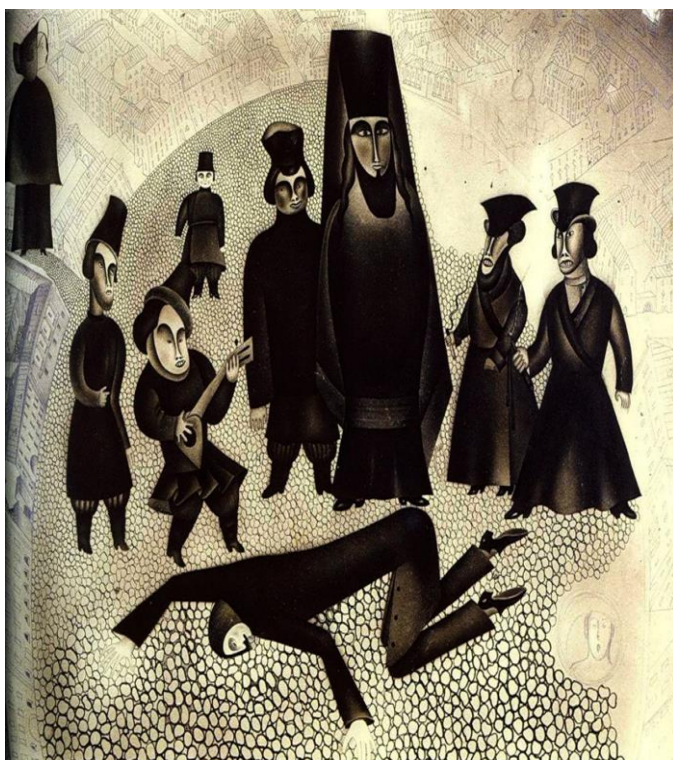

Рис. 6

Максимальное количество баллов – 30.

Желаем Вам успехов!